

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА

Л. Т. Бакулина*

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются вопросы правового регулирования, являющегося одной из фундаментальных категорий общей теории права. Происходящие в России в последние два десятилетия изменения в различных сферах общественной жизни в целом и государственно-правовой действительности в частности и требования современной юридической практики, на вызовы которых должна отвечать юридическая наука, обуславливают необходимость пересмотра отдельных положений теории правового регулирования. Кроме того, смена научной парадигмы в конце прошлого столетия в социально-гуманитарных науках привела к пересмотру методологического арсенала как общей теории права, так и отраслевых юридических наук.

Рассматривается ряд методологических подходов (системный, уровневый, междисциплинарный, деятельностный), используемых в исследовании правового регулирования.

При изучении правовых явлений и процессов (в частности, механизма правового регулирования, правореализации, правового сознания, функций права, системы права и др.) отдельными авторами используются методологические приемы уровневого подхода. Делается вывод о его целесообразности в изучении разновидностей правового регулирования. Праворегулятивная деятельность осуществляется на двух основных уровнях: односторонне-властном и автономном (договорном), где каждому из указанных уровней соответствует качественное своеобразие субъектов, объектов и регулятивной активности.

Отдельными учеными обосновываются эвристические возможности междисциплинарного подхода. Несмотря на неоднозначность трактовок (в силу семантического потенциала термина в социально-гуманитарных науках) в научном арсенале юриспруденции, междисциплинарный (точнее — межотраслевой) характер правового регулирования очевиден, что позволяет применить его, например, к выявлению особенностей договорного регулирования частноправовых и публично-правовых отношений.

Анализ методологических подходов, используемых при исследовании как отдельных аспектов правового регулирования (предмета, метода, механизма и др.), так и в комплексном его изучении, позволяет сделать вывод о потенциале деятельностного подхода в познании данного явления государственно-правовой действительности. Использование деятельностного подхода позволит систематизировать отдельные знания о праворегулирующей деятельности, раскрыть новые грани правового регулирования, а также решить ряд практических задач в сфере действия права.

© Бакулина Л. Т., 2016

* Бакулина Лилия Талгатовна, кандидат юридических наук, и. о. декана юридического факультета, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

bltkfu@mail.ru

420008, Россия, г. Казань, Кремлевская, д. 18

Ключевые слова: правовое регулирование, методология научного познания, системный подход, уровневый подход, междисциплинарный подход, деятельностный подход, действие права, правовая деятельность, субъект, цели, средства и результат деятельности.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.009-020

Познание любых явлений общественной жизни с неизбежностью предполагает соответствующий инструментарий. Научное познание требует специального арсенала научных средств, приемов, способов, с помощью которых осуществляется изучение явлений государственно-правовой действительности. Среди значительного количества публикаций, появившихся за последнее десятилетие в рамках обсуждения проблемы кризиса фундаментальной науки на рубеже тысячелетий, исследования (пусть и немногочисленные) в области как методологии современного социально-гуманитарного знания, так и осмысления отдельных проблем юридической науки свидетельствуют о высоком потенциале научного сообщества и его готовности ответить на вызовы современной практики.

Методологические подходы, используемые в исследовании явлений государственно-правовой действительности, разнообразны. Однако отдельные проблемы возникают уже на этапе определения того, что представляет собой собственно методологический подход? Не вдаваясь в суть научной дискуссии, считаем возможным придерживаться точки зрения И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина, определивших методологический подход «как принципиальную методологическую ориентацию исследователя, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования»¹. При этом методологический подход в исследовании государственно-правовой действительности, претендующий на новизну, как справедливо отмечал С. С. Алексеев, вызывает необходимость обогащения традиционных юридических понятий, выработки новых

общих положений и в связи с этим известной рационализации юридической терминологии. Но нельзя забывать, что «углубление теоретических знаний, широкое использование философских и общенаучных понятий и методов должно выражаться не в преобразовании сложившейся терминологии и придании юридическим терминам нового смысла, а в том, чтобы с учетом требований, предъявляемых к языку науки, развивать и совершенствовать его, в том числе и путем введения в научный оборот новых понятий и терминов»².

Особую сложность в этой связи приобретает исследование фундаментальных проблем юридической науки, образующих ее теоретико-методологический каркас. Плодотворность научного поиска в указанных областях непосредственным образом зависит от корректного определения исходных теоретических посылок, позволяющих составить комплексное представление об объекте изучения и непротиворечиво совместить его с системой устоявшихся научных взглядов.

Смена научной парадигмы в конце прошлого столетия в социально-гуманитарных науках в целом и юриспруденции в частности обусловила необходимость пересмотра методологического арсенала³. При изучении правовых явлений и процессов отдельные авторы стали использовать методологические приемы, способы и средства уровневого подхода, который они обосновывали в качестве самостоятельного или в контексте системного подхода либо как части междисциплинарного подхода⁴.

Надо заметить, что познавательные возможности уровневого подхода, обнаруженные изначально в сфере естественных наук, в настоящее время активно внедряются в гуманитарное познание. Юридическая наука также

¹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 74.

² Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 29.

³ Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31—40; Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2014; Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181—191.

⁴ Кашанина Т. В. Структура права. М., 2015. С. 181—185.

не осталась в стороне от нового методологического течения, активно (явно или неявно) используя приемы, принципы уровневого подхода при анализе различных сторон государственно-правовой жизни. Так, представление об уровневой организации изучаемого объекта применяется при теоретической разработке проблем механизма правового регулирования⁵, правореализации⁶, правового сознания⁷, системы права⁸, функций права⁹ и др.

Отмечая «многоуровневость структуры знаний, составляющих методологию общего учения о праве и государстве», Ф. Н. Фаткуллин выделил четыре уровня принципов, законов и категорий: 1) философии, относящиеся одновременно к природе, обществу и мышлению, выражающих всеобщие характеристики бытия и универсальные основания всякого знания; 2) обществоведения в целом и социологии в частности, в которых сосредоточены знания об объективных предпосылках существования и общих свойствах человеческого общества на всех его этапах; 3) правоведения, олицетворяющие знания о происхождении, природе, формах, механизмах, истории и тенденциях государственно-правовой действительности; 4) конкретных наук, которые или входят в правоведение, или взаимодействуют с ним¹⁰.

С. С. Алексеев также полагал, что исследование права должно осуществляться с двух сторон, и соответственно этому существуют два основных уровня изучения права — практический и философский. Вместе с тем автор отмечает необходимость синтеза указанных уровней — философская трактовка права, которая опирается на общетеоретические разработки в рамках аналитического правоведения¹¹, т.е. о системности научного исследования.

К разряду многоуровневых явлений в юридической науке относят и правовое регулирование. Например, Ф. Н. Фаткуллин выделил базо-

вый уровень (касается исходных общественных отношений), средний, или развивающий, уровень (затрагивает общественные отношения, которые моделируются в кодифицированном законодательстве) и детализирующий уровень правового регулирования (присущ преимущественно ведомственным инструкциям и другим нормативным правовым актам местного или локального значения)¹².

Широкое применение уровневого подхода в различных областях науки способствовало выработке в целом непротиворечивого понимания его основных принципов. Однако вопрос о методологическом статусе самого уровневого подхода и о его соотношении с иными познавательными стратегиями (является ли он самостоятельным методологическим направлением или выступает в качестве одного из инструментов системного подхода?) остается недостаточно проясненным. Подобная дилемма объективно вызвана глубокой внутренней взаимосвязью и взаимообусловленностью указанных подходов, имеющих общее философское основание — диалектические идеи системности, целостности, структурности.

Системность и уровневая организация, как неотъемлемые свойства материи, находятся в неразрывном единстве. Онтологически грань между ними выглядит достаточно условной. С одной стороны, структурная иерархия присуща только системным образованиям, с другой — для любой системы характерно наличие многоуровневой структуры, образованной определенным набором элементов и особым типом взаимодействия между ними.

Гносеологически взаимосвязь системности и уровневой организации проявляется в требовании их взаимного учета в процессе исследования. Так, при уровневом подходе любой объект должен рассматриваться как система. Реализация же системного подхода в исследовании тех или иных объектов в ме-

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 15.

⁶ Решетов Ю. С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. К., 1980.

⁷ Гранат Н. Л. Правовое сознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2 : Теория права. С. 378—383.

⁸ Сенякин И. Н., Левченко В. М. Система права // Общая теория государства и права. Академический курс. С. 239—247.

⁹ Реутов В. П. Функциональная природа системы права. Пермь, 2002.

¹⁰ Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 23—27.

¹¹ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 1, 8.

¹² Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 91—96.

тодологическом плане неотделима от анализа их структурных уровней. Как отмечал в этой связи Э. Г. Юдин, структура системы может характеризоваться как по горизонтали, так и по вертикали. Вертикальная структура приводит к понятию уровней системы и иерархии этих уровней¹³.

Сходной позиции придерживался и В. Н. Садовский, подчеркивавший, что «сложность и многообразие элементов, связей и отношений объекта как системы обуславливает иерархическое строение системы — упорядоченную последовательность ее различных компонентов и уровней взаимосвязи между ними»¹⁴.

Д. М. Гвишиани, называя методологические принципы системного исследования, относит к их числу выделение структурных уровней системы элементов и построение той или иной иерархии¹⁵.

Следует заметить, что возникновение уровня подхода во многом является закономерным продолжением «системного движения», широкое распространение которого началось во второй половине XX в. Принципы познания сложноорганизованных объектов, системная постановка научных проблем, общий ход исследовательской мысли, характерные для системного подхода, во многом послужили основой уровневой методологии, необходимым условием ее становления и развития, ее методологическим базисом.

Приведенные положения, свидетельствуя о тесной, органической взаимосвязи уровня и системного подходов, не исключают вместе с тем их качественного своеобразия и содержательной самостоятельности, а также особой роли в методологическом арсенале современной науки.

В частности, указанные подходы различаются специфической расстановкой методологических акцентов в изучении системного объекта, обуславливающей соответствующее различие их исследовательских стратегий. Именно в этом пункте достаточно ясно видна разница между системным и уровнем подходом.

Системный подход основной упор делает на анализе целостных интегративных свойств системы, выявлении ее различных связей и структуры¹⁶. При этом предметом рассмотрения является система, взятая в определенный момент ее покоя.

Уровневый подход сосредотачивает внимание не на самой системе, а на ее изменении (динамике) по некой уровневой шкале¹⁷. Предметом познания становится процесс трансформации качественных состояний системы, переход от одного уровня взаимодействия элементов к другому.

Различие исходных методологических установок системного и уровня подхода непосредственно отражается на их понятийных рядах. Категориально-понятийный аппарат как системного, так и уровня подходов включает такие термины, как уровень, элемент, структура и другие, однако в рамках анализируемых подходов они трактуются по-разному¹⁸. Системный подход, используя в качестве основного познавательного средства понятие системы, отводит абстракции «уровень» второстепенную роль. В данном контексте она призвана подчеркнуть лишь наличие в системе разнопорядковых, соподчиненных элементов. В уровне подходе, напротив, категория «уровень» несет ключевую нагрузку, раскрывая качественную характеристику всей системы в определенном состоянии.

Изложенное позволяет предположить, что системный и уровень подходы, при наличии ряда сходных черт, обусловленных исходной методологической установкой на целостность объекта познания, не совпадают по целому ряду параметров. Однако вопрос о самостоятельности уровня подхода как методологического направления, требующая специальной философской рефлексии, вряд ли может быть удовлетворительно решен в рамках отдельных научных дисциплин. В то же время подобная неопределенность не препятствует эффективному внедрению его принципов в конкретные исследования. Вме-

¹³ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 134—136.

¹⁴ Садовский В. Н. Указ. соч. С. 19.

¹⁵ Гвишиани Д. М. Диалектика, системность, глобальное моделирование // Вопросы философии. 1983. № 5. С. 129.

¹⁶ Садовский В. Н. Указ. соч. С. 5.

¹⁷ Бондаренко О. Я. Жизнь. Эволюция. Панволюция. Бишкек, 2009.

¹⁸ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 524.

сте с тем специфика преломления принципов уровневого подхода в правовых исследованиях до сих пор не становилась предметом специального осмысления. В юридической литературе, как правило, содержатся лишь указания на отдельные аспекты уровневого познания правовой действительности, не освещающие общей методологической картины этого процесса.

Активное развитие системных исследований в сфере юридического познания позволило выявить сложноорганизованный характер государственно-правовых явлений и показало недостаточность их линейного, «одноплоскостного» рассмотрения. Однако проблема структурных уровней государственно-правовой материи нередко ставится юридической наукой в контексте системного подхода. Показательна в этом смысле позиция Л. И. Каска, отмечавшего особую эффективность именно системного подхода при анализе сложных динамических объектов, для которых характерна многокачественность, многомерность, многоструктурность¹⁹.

Сходную мысль высказывал и А. Ф. Черданцев, подчеркивая, что двусторонняя структурная организация государственно-правовых явлений определяет специфику применения системного метода в правоведении. «С одной стороны, — отмечал указанный автор, — каждое из них имеет внутреннюю структуру, внутреннее строение (целостность изучаемого объекта, его элементы, определенный порядок организации, связи между ними), с другой стороны — каждое из них выступает как элемент суперструктуры...»²⁰.

Равным образом В. М. Сырых, указывая на полиструктурность правовых явлений, выделяет четыре уровня их системно-структурного анализа: уровень наиболее простых в структурном отношении явлений (норма права, правонарушение, источник права и др.); уровень системных образований, где наиболее простые явления выступают в качестве их элементов (правовые институты, подотрасли права, система источников российского права, механизм юридической ответственности и др.); уровень

систем, включающих в себя системные образования второго уровня (отрасли права, система права, механизм правового регулирования и др.); уровень тотальной целостности (право в целом)²¹.

Не отрицая известной результативности исследования структурных уровней государственно-правовой материи в рамках системного подхода, следует, тем не менее, отметить, что такая стратегия не позволяет рассмотреть динамические аспекты уровневой организации системы, т.е. переход системы в процессе ее функционирования от одного уровня взаимодействия элементов к другому. Подобная задача требует специального инструментария, разрабатываемого уровневым подходом.

Возвращаясь к проблеме правового регулирования, следует обратить внимание на своеобразную методологическую ситуацию, которая сложилась в ее теоретической разработке.

В соответствии с утвердившимся в юридической науке представлением, правовому регулированию объективно присущи различные формы проявления его качественной определенности. Это, в частности, связано с тем, что правовое регулирование осуществляется многообразными субъектами, в разных сферах общества, неодинаковыми способами и при помощи отличающихся друг от друга правовых средств²².

Отдельные ипостаси правового регулирования именуются в литературе видами, типами, сферами, уровнями и т.п. При этом постановка исследовательских задач и общий ход их решения указывает на то, что речь в данном случае идет не об изучении действительной структуры правового регулирования, а всего лишь о классификации, которая нужна скорее для удобства описания объекта, нежели для проникновения в закономерности его строения и функционирования.

В результате процесс исследования правового регулирования приобретает преимущественно аналитическую направленность, поскольку единый объект подвергается декомпозиции, делится на отдельные части, рассматриваемые изолированно друг от друга.

¹⁹ Каск Л. И. Системный подход в познании государства и права // Правоведение. 1977. № 4. С. 31.

²⁰ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002. С. 34.

²¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 402.

²² Шарифуллин В. Р. Частноправовое регулирование: Теоретико-правовое исследование. Казань, 2007. С. 21.

На определенных этапах познания такой подход имеет безусловную теоретическую ценность и является не только оправданным, но и необходимым. Он способствует установлению специфических особенностей конкретных проявлений правового регулирования. Вместе с тем нельзя не видеть, что односторонне аналитическая направленность исследования правового регулирования имеет и отрицательные стороны. В частности, она не позволяет увидеть реально существующие взаимосвязи между отдельными разновидностями правового регулирования, осмыслить их функциональное взаимодействие.

Сказанное, таким образом, склоняет к убеждению в целесообразности уровневого подхода к пониманию разновидностей правового регулирования, позволяющего исследовать их как своеобразные «этажи» его структурной организации.

Любой деятельности как системному целому объективно присуща структурная иерархия, степень сложности которой зависит от того, на скольких уровнях располагаются составляющие ее элементы. Праворегулятивная деятельность, обусловленная различиями в природе волевого взаимодействия субъекта праворегулятивной деятельности с участниками регулируемых общественных отношений, может осуществляться на двух основных уровнях.

Первый — односторонне-властный уровень, на котором субъект праворегулятивной деятельности, обладая властными полномочиями по отношению к иным участникам социальных взаимодействий, подчиняет их волю своей.

Второй — автономный (договорной) уровень, предполагающий согласование воли юридически равных субъектов праворегулятивной деятельности при упорядочивании совместных действий.

Каждому из указанных уровней соответствует определенное качественное своеобразие субъектов, объектов и регулятивной активности.

Между двумя уровнями праворегулятивной деятельности происходит постоянная циркуляция социально-правовой информации о моделях требуемого и дозволенного поведения, обеспечивающая согласованное функциони-

рование и развитие всей системы правового регулирования. Это своеобразный механизм управления процессом деятельности, включающий различные по характеру межуровневые связи.

Связи управления, иначе говоря, отражают одно из существенных свойств любой системы, в том числе праворегулятивной деятельности, — ее иерархичное строение. Проявлением иерархизированного характера системы является существование в ней различных типов и уровней взаимодействий, каждый из которых может быть рассмотрен как в качестве самостоятельной системы, так и элемента системы более высокого уровня²³.

Связи управления являются без преувеличения одним из сложнейших по способу функционирования и развития видов связей. Трудность описания связей управления в конкретных системных объектах обусловлена также и малой изученностью управления в целом.

Несмотря на существующие различия в понимании исследователями содержания, системы способов, приемов, потенциала уровневого и системного подходов, в юридической науке достаточно давно и плодотворно используются оба указанных подхода. Еще в 70-е гг. XX в. С. С. Алексеев, Д. А. Керимов, Г. И. Курдюков, В. Н. Лихачев, С. В. Поленина, Д. И. Фельдман, Л. С. Явич и др. неоднократно писали о перспективах применения системного подхода.

Учитывая сложную структуру явлений государственно-правовой действительности, возможность использования методологического потенциала уровневого подхода в их исследовании носит объективный характер вне зависимости от того, определяется ли он как самостоятельный или выступает как элемент системного подхода (или в качестве метода в междисциплинарном подходе). Несмотря на то что наличие различных уровней (элементов, связей и отношений между элементами) обуславливает выделяемая многими авторами иерархичность системы, на наш взгляд, с учетом исследовательских задач возможно использование уровневого подхода в качестве самостоятельного при исследовании отдельных государственно-правовых явлений и процессов²⁴. В то же время

²³ Садовский В. Н. Указ. соч. С. 85.

²⁴ Бакулина Л. Т. Уровневый подход в исследовании правовых явлений и процессов // Правореализация и юридический процесс: инновационные методы к построению моделей : сб. статей междунар. науч.-практ. конференции. Казань, 2011. С. 13—17.

неопределенность методологического статуса уровневого подхода не препятствует его эффективному использованию в конкретно-научных исследованиях, в частности, в изучении правового регулирования.

Следует отметить, что отдельные авторы и в общей теории права, и в отраслевых юридических науках как на хорошо забытое старое²⁵ обращают внимание на эвристические возможности использования междисциплинарного (интердисциплинарного, трансдисциплинарного, мультидисциплинарного) подхода²⁶.

Стоит, однако, отметить многозначность термина «междисциплинарность» в юриспруденции.

Во-первых, о междисциплинарном (точнее — межотраслевом) характере исследования говорят, когда изучаемый объект проявляет свои свойства в предметной области двух и более юридических дисциплин (точнее — отраслей права): например, исследование правового регулирования труда спортсменов в рамках гражданского и трудового права.

Во-вторых, в случае использования в юридических науках категориально-понятийного аппарата и методов смежных научных дисциплин (философии, политологии, социологии, психологии и др.).

В-третьих, в силу академической традиции в системе юриспруденции выделяют группу специальных юридических наук — криминалистика, криминология, право социального обеспечения и др., полидисциплинарность предмета исследования которых очевидна.

В-четвертых, в отечественной юридической науке последние два десятилетия усиленно формировались специальные дисциплины междисциплинарного характера — философия права, социология права, юридическая антропология, правовая кибернетика, правовая статистика, юридическая лингвистика, экономика права и т.п.

Как отмечается в научной литературе, наряду с современными социокультурными изменениями и формированием новых познавательных традиций в правоведении в определенной степени стираются границы между юридическими и неюридическими сферами исследования. Многовекторность юридических процессов приобретает новые смыслы, когда междисциплинарность познания объектов направлена не столько на изучение отдельных свойств права, сколько на выявление существенных для правового регулирования закономерностей общественных отношений и взаимосвязей социальных процессов, происходящих как на коллективном, так и на индивидуальном уровнях. Одним из междисциплинарных инструментов, обладающих эвристическим потенциалом, в рамках исследования государственно-правовых явлений в целом и маргинальности в частности, по мнению Р. Ф. Степаненко, может стать синергетическая методология²⁷.

М. Ю. Челышев в контексте исследования межотраслевых связей гражданского права отмечал, что междисциплинарный подход отражается в межотраслевом методе юридических исследований, который, в свою очередь, сочетает в себе элементы сравнительно-правового и системного методов исследования²⁸.

Несомненно, за полувековую историю изучения правового регулирования в юридической науке в ходе длительной дискуссии сложилась целостная теория правового регулирования, объединяющая научные представления об этой функционально-активной стороне правовой действительности.

В соответствии со сформировавшимися в русле позитивного правопонимания научными воззрениями понятие правового регулирования отражает активную, направленно-действенную сторону правовой действительности. В этом плане правовое регулирование понимается как особый вид воздействия, оказываемого элементами правовой материи на

²⁵ Активное обсуждение трансдисциплинарности в мировой науке началось с середины 1980-х гг. Однако в силу своего семантического потенциала термин до сих пор не получил однозначной трактовки, что, в свою очередь, также не способствует верификации приращенных знаний в исследовании объектов социально-гуманитарных наук при его применении.

²⁶ Челышев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань, 2008 ; Степаненко Р. Ф. Теоретико-методологические проблемы общеправовой теории маргинальности // Ученые записки Казанского университета. Гуманит. науки. Т. 153. Кн. 4. 2011. С. 30—41.

²⁷ Степаненко Р. Ф. Указ. соч. С. 34, 37.

²⁸ Челышев М. Ю. Указ. соч. 119—145.

общественные отношения. Характер такого воздействия и его устремленность являются выражением специфической служебной роли права как одного из важнейших организующих факторов в системе социального управления общественными процессами²⁹.

Хотя в социальном управлении могут быть задействованы стихийные, случайные факторы, вызванные действием сил, неподконтрольных человеку, на современном этапе развития общества решающее значение приобретает сознательный механизм управления, связанный с целенаправленной деятельностью людей. Одним из компонентов данного механизма выступает право, генетически и функционально предназначенное для установления и обеспечения нормального состояния социальных связей внутри системы, сохранения динамического баланса различных социальных интересов. Социальное назначение права (в конечном счете всех элементов правовой материи), по мнению Т. Н. Радько, выражается в закреплении и стабилизации наиболее важных, необходимых в обществе отношений, искоренении определенных негативных явлений из жизни общества, создании условий для благоприятного развития новых, более прогрессивных видов общественных отношений³⁰.

В рассматриваемом аспекте правовое регулирование, являясь непосредственным проявлением социального назначения права, представляет собой процесс организующего, упорядочивающего влияния права на социальные взаимодействия и процессы, в результате которого их качество приводится в соответствие с объективными закономерностями и потребностями развития данной социальной системы. Конкретное содержание такого влияния состоит в «формировании правовых структур, установлении целесообразных отношений между субъектами в определенной социальной сфере через предоставление им субъективных прав и возложение юридических обязанностей, чтобы вызвать нужное поведение»³¹.

Установление фиксированных границ поведения субъектов социальных взаимодействий с помощью субъективных прав и юридических обязанностей отличает правовое регулирование от иных форм правового воздействия: ценностно-мотивационного, воспитательного, информационного, являющихся вторичными, обслуживающими по отношению к его регулятивному влиянию.

Рассмотрение правового регулирования как упорядочивающего воздействия на общественные отношения составляет лишь один из возможных аспектов его исследования. Между тем к анализу правового регулирования можно и следует подходить также с иной стороны — с точки зрения его содержания. Как справедливо отмечается в научной литературе, «трактовка правового регулирования как специального юридического воздействия на общественные отношения, несомненно, важна для его понимания. Однако она не дает ответа на вопрос, из чего складывается правовое регулирование и каково его содержание»³².

С этих позиций необходимо отметить, что организующее, упорядочивающее воздействие правового регулирования носит сознательный, целенаправленный характер. Это дает основание для вывода о том, что содержанием правового регулирования является специфическая человеческая деятельность, облеченная в различные правовые и организационные формы. В методологическом отношении сказанное означает, что одно из возможных направлений в познании правового регулирования связано с реализацией методологических принципов деятельностного подхода.

Инструментарий деятельностного подхода в настоящее время весьма результативно используется в целом ряде областей обществоведения, в том числе и при анализе различных сторон правовой действительности (в частности, реализации права³³).

Возможность применения методологических принципов деятельностного подхода к ис-

²⁹ Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 19.

³⁰ Радько Т. Н. Теория функций права. М., 2014. С. 48.

³¹ Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 58.

³² Решетов Ю. С. Правовое регулирование // Актуальные проблемы юридической науки и образования. Казань, 2003. С. 20.

³³ Решетов Ю. С. Указ. соч. С. 19—24.

следованию правового регулирования обнаруживается в следующих моментах.

Во-первых, введение в исследование правового регулирования категории «деятельность» в качестве объяснительного принципа «порождает новые предметы исследования, выступает непосредственным импульсом существенного расширения наличных предметов»³⁴.

Распространенный в отечественном правоведении формально-юридический подход сосредоточивает основное внимание на специальных средствах правового регулирования, фактически превращая их в самостоятельный предмет изучения. Между тем природа любой деятельности определяется сложным взаимодействием цели, средства и результата деятельности. Такой гносеологический постулат дает возможность обнаружить целый ряд новых аспектов исследования правового регулирования. Прежде всего он ориентирует на телеологический анализ регулятивного воздействия права.

Изучение цели и целеполагания в правовом регулировании требует проведения целого комплекса взаимосвязанных исследований. Это позволит осмыслить сложное взаимодействие субъективного и объективного в содержании целей правового регулирования, выделить абстрактные и конкретные цели праворегулятивной деятельности, объяснить несоответствие целей и результатов правового регулирования, раскрыть взаимоопределяемость целей и средств правового регулирования.

Во-вторых, деятельность рассматривается как специфическая человеческая форма активности. Поэтому деятельностный подход открывает путь к изучению личностного начала в правовом регулировании.

Как верно заметил С. И. Архипов, позитивизм настолько глубоко проник в научное правосознание, что целые поколения российских правоведов не могут иначе воспринимать субъект права, как только в качестве элемента состава правоотношения. При исследовании правового регулирования нередко остается незамеченным тот факт, что в центре этой деятельности стоит субъект, обладающий сознанием и волей и способный к целеполаганию.

Правовое регулирование как деятельность субъекта сопровождается множеством внутренних регулятивов его сознания (потребностей, мотивов, установок, ценностей и пр.).

В-третьих, современная наука рассматривает деятельность как сложноорганизованный системный объект, адекватное исследование которого возможно на основе реализации системного подхода. Поэтому собственно деятельностный подход к исследованию социальной реальности диалектически сочетается с ее системным видением. Органическую связь деятельности и системности подчеркивал В. Н. Протасов, отмечая, что в соединении с системным деятельностный подход обретает большую эффективность и методологически усиливается³⁵.

Благодаря использованию деятельностного подхода в познании правового регулирования исследователю открывается целостное видение этой сферы правовой действительности, тогда как до сих пор юридическая наука ограничивалась системным анализом лишь одного из компонентов праворегулятивной деятельности — механизма правового регулирования.

В-четвертых, деятельностный подход к правовому регулированию позволит собрать разрозненные категории, выводы и положения, дающие представления о его отдельных сторонах, свойствах и элементах, в единый, логически стройный понятийный ряд³⁶, основанный на прочном методологическом фундаменте.

Категория «деятельность», являясь центральной в деятельностном подходе, обуславливает содержательные особенности как самого подхода, так и исследований, приводимых в соответствии с его принципами. Содержательная и методологическая роль категории «деятельность» оправдывает повышенный научный интерес к ней и то многообразие дефиниций, которые предлагаются в отечественной и зарубежной научной литературе. Следует, однако, заметить, что при деятельностном объяснении отдельного аспекта социальной реальности оперирование общим, социально-философским понятием деятельности выступает лишь как первый шаг объяснения, за

³⁴ Юдин Э. Г. Указ. соч. С. 198.

³⁵ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 32—34.

³⁶ Васильев А. М. Правовые категории : Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 123—137.

которым должен следовать второй, предполагающий построение уже не общего, а специализированного для данной предметной области понятия деятельности. Поэтому, раскрывая философскую абстракцию «деятельность» в соответствующем логико-понятийном ряду, необходимо выделить категорию, конкретизирующую ее применительно к правовому регулированию. Таковой, по мнению отдельных авторов, является категория «государственно-властная деятельность».

Например, Ф. Н. Фаткуллин определял правовое регулирование как специфическую деятельность государства, его органов, должностных лиц и уполномоченных на то общественных организаций по принятию нормативно- или индивидуально-правовых решений в пределах своей компетенции, выступающих в роли общих или персонафицированных регламентаторов упорядочиваемых общественных отношений³⁷.

Изложенная точка зрения, отражая основную разновидность социального управления — государственное управление, не лишена внутренней логики. Вместе с тем она справедливо вызывает возражения, общий смысл которых сводится к тому, что подобная трактовка праворегулирующей деятельности неоправданно сужает реальные границы правового регулирования, не учитывая актуальную тенденцию к децентрализации функций социального управления и существование сферы негосударственного управления.

На наш взгляд, к интерпретации природы правового регулирования как деятельности целесообразно подходить с широких позиций — выражая его качественную определенность категорией «правовая деятельность». Оценивая правомерность подобного подхода, в первую очередь необходимо отталкиваться от конкретного понимания сущности правовой деятельности. Однако решение поставленной задачи затрудняется отсутствием в отечественной юри-

дической науке последовательных выводов о содержании указанной категории, ее соотношении со смежными понятиями (правовым поведением, юридической деятельностью, правовой активностью, правовой практикой и т.п.)³⁸.

Правовое регулирование как целенаправленное упорядочивающее воздействие на общественные отношения представляет собой особую разновидность правовой деятельности. Поставленная таким образом проблема правового регулирования позволяет подходить к его исследованию с методологических позиций деятельности подхода. В свою очередь, одним из возможных направлений научного поиска, заданных подобным методологическим подходом, является построение системно-структурных моделей праворегулятивной деятельности, которые позволят выявить содержательную и функциональную специфику структурных элементов праворегулятивной деятельности (субъект, объект, средства, результат и др.).

Таким образом, существующие в юридической науке методологические подходы в исследовании правового регулирования (системный, уровневый, междисциплинарный и пр.) не исключают возможности их комплексного использования, несмотря на неоднозначность оценок и трактовок каждого из них. Представленный ряд аргументов свидетельствует о возможности и целесообразности использования деятельности подхода в исследовании одного из сложнейших явлений государственно-правовой действительности и в углублении знаний об одной из фундаментальных категорий юриспруденции — правового регулирования. Использование в исследовании правового регулирования деятельности подхода позволит систематизировать отдельные знания о праворегулирующей деятельности, раскрыть новые грани правового регулирования, а также решить ряд практических задач в сфере действия права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. — М., 1981. — Т. I.
2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). — М., 1973.
3. Бакулина Л. Т. Уровневый подход в исследовании правовых явлений и процессов // Правореализация и юридический процесс: инновационные методы к построению моделей. — Казань, 2011.

³⁷ Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 134.

³⁸ Одна из немногих работ, в которой изложена указанная проблематика, принадлежит представителю казанской юридической школы Р. В. Шагиевой (см.: Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005).

4. Васильев А. М. Правовые категории : Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М., 1976.
5. Гвишиани Д. М. Диалектика, системность, глобальное моделирование // Вопросы философии. — 1983. — № 5.
6. Каск Л. И. Системный подход в познании государства и права // Правоведение. — 1977. — № 4.
7. Кашанина Т. В. Структура права. — М., 2015.
8. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). — М., 2001.
9. Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. — 2006. — № 1.
10. Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. — 2013. — № 2.
11. Протасов В. Н. Правоотношения как система. — М., 1991.
12. Радько Т. Н. Теория функций права. — М., 2014.
13. Решетов Ю. С. Правовое регулирование // Актуальные проблемы юридической науки и образования. — Казань, 2003.
14. Реутов В. П. Функциональная природа системы права. — Пермь, 2002.
15. Степаненко Р. Ф. Теоретико-методологические проблемы общеправовой теории маргинальности // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — Т. 153. — Кн. 4. — 2011.
16. Сырых В. М. История и методология юридической науки. — М., 2014.
17. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. — Казань, 1987.
18. Челышев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. — Казань, 2008.
19. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. — М., 2002.
20. Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. — Казань, 2005.
21. Шарифуллин В. Р. Частноправовое регулирование: Теоретико-правовое исследование. — Казань, 2007.
22. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. — М., 1978.

Материал поступил в редакцию 20 ноября 2015 г.

APPROACHES TO THE STUDY OF LEGAL REGULATION

BAKULINA Liliya Talgatovna — Ph.D., Acting Dean of the Faculty of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Kazan Federal University
bltkfu@mail.ru
420008, Russia, Kazan, ul. Kremlyovskaya, d. 18.

Review. The paper analyses the issues of legal regulation that amounts to one of the fundamental categories of the general theory of law. Changes that have been taking place in Russia over the past two decades in different spheres of social life in general and in the sphere of state government and law in particular, and the needs of modern judicial practice constituting the challenges that the legal science must accept, determine the necessity to reconsider certain provisions of the theory of legal regulation. In addition, the change of scientific paradigm at the end of the 20th century in social sciences and humanities resulted in reconsideration of methodological repertoire of both the general theory of law and branches of law. The author addresses a number of methodological approaches (systematic, tiered, interdisciplinary, activity) employed in studying legal regulation. When studying legal phenomena and procedures (in particular, the mechanism of legal regulation, rights implementation, legal awareness, functions of law, a system of law, etc.) some authors use methodological tools of the tiered approach. The author draws a conclusion with regard to the usefulness of studying different types of legal regulation that allows studying them as unique "levels" of its structural organization. Law regulation activity is being carried out at two main levels: unilateral state authority and independent (contractual), when each of the levels has qualitative uniqueness of subjects, objects and regulatory activity. Some scholars justify heuristic capabilities of the interdisciplinary approach. Despite ambiguity of interpretations (by virtue of a semantic term potential in social sciences and humanities) in the scientific repertoire of jurisprudence, multidisciplinary (more precisely, interdisciplinary) nature of legal regulation is obvious, which allows to employ it, for example, to determine peculiarities of contractual regulation of private law and public law relations. The analysis of methodological approaches used to study how certain aspects of legal regulation (object, method, mechanism, etc.), and to carry out an integrated examination of legal regulation allows to draw a conclusion about usefulness of the

activity approach in understanding the phenomenon of the state legal reality. The activity approach encourages systematization of fragmentary awareness of the legal regulation activity, reveals new facets of legal regulation, as well as to address a number of practical tasks within the scope of the law.

Keywords: *legal regulation, methodology of scientific cognition, systematic approach, tiered approach, multidisciplinary approach, activity approach, force of law, legal activities, subject, goals, means and the result of activities.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Alekseev, N.N.* General Theory of Law. In 2 volumes. — M., 1981. T. I.
2. *Afanasyev, V. G.* Scientific Society Management (Experience of System Research). — M., 1973.
3. *Bakulina, L. T.* The Tiered Approach in the Study of Legal Phenomena and Procedures // Enforcement of Rights and Judicial Process: Innovative Methods to Build Models. — Kazan, 2011.
4. *Vasiliev, A. M.* Legal Categories: Methodological Aspects of Development of the System of Law Theory Categories. — M., 1976.
5. *Gvishiani, D.M.* Dialectic, Systematicity, Global Modeling // Philosophical Issues. — 1983. — N. 5.
6. *Kask, L. I.* The Systematic Approach in the Process of Cognition of the State and Law // Jurisprudence. — 1977. — N 4.
7. *Kashanina, T. V.* The structure of Law. - M., 2015.
8. *Kerimov, D. A.* Methodology of Law (Subject Matter, Functions, Problems of the Philosophy of Law). 1 M., 2001.
9. *Kozlihin, I. Y.* Innovative Approaches to Law // Jurisprudence. — 2006. — N 1.
10. *Lazarev, V. V.* Legal Science: current status, challenges and perspectives (Academician's Thoughts) // Lex Russica. — 2013. — N 2.
11. *Protasov, V. N.* Legal Relationships as a System. — M., 1991.
12. *Radko T. N.* The Theory of the Functions of Law. M., 2014.
13. *Reshetov, Y. S.* Legal Regulation // Current Issues of the Jurisprudence and Legal Education. — Kazan, 2003.
14. *Reutov, V. P.* Functional Nature of Law. — Perm, 2002.
15. *Stepanenko, R. F.* Theoretical and Methodological Problems of the General Legal Theory of marginality // Memoirs of the Kazan University. Humanities. V. 153. Book 4. — 2011.
16. *Syrykh, B. M.* The History and Methods of the Legal Science. 1 M., 2014.
17. *Fatkullin, S. N.* Problems of the Theory of the State and Jurisprudence. — Kazan, 1987.
18. *Chelyshev, M. Y.* Fundamentals of Interbranch Relations in Civil Law. — Kazan, 2008.
19. *Cherdantsev, A. F.* The Theory of the State and Law: High School Textbook. — M., 2002.
20. *Shagieva, R. V.* The Concept of Legal Activity in Modern Society. — Kazan, 2005.
21. *Sharifullin, V. R.* Civil Law Regulation: Theory and Law Study. — Kazan, 2007.
22. *Yudin, E. G.* The Systematic Approach and Principle. — M., 1978.